

Алексей ЛЕСНЯНСКИЙ

ДВА ПИСЬМА

(Из романа «Гамлеты в портянках»)

- Здравствуй, милая моя девочка, - начал Герц письмо. – Сейчас сержант разрешил нам заниматься своими делами, и я решил написать тебе не от себя, а от своего подсознания что ли. У меня пять-шесть часов впереди, если не отправят на работы.

Я не видел тебя пять лет. Пять долгих лет. За это время успел окончить университет, теперь, как ты поняла, – в армии. Это письмо будет написано и сожжено, потому что так надо. Знаешь, я не люблю страну, которой служу. Я тебя люблю, Леночка. Очень люблю. Моя Родина эмигрировала в Германию в 99-ом вместе с тобой. Я потенциальный подлец и предатель, но ты об этом не узнаешь. Не узнаешь не потому, что я боюсь дискредитировать себя в твоих глазах. Я слишком сложный, чтобы всё было так просто.

Представь, я без раздумий мог бы встать под знамёна немецкой армии в случае войны Германии и России по одному твоему слову, чтобы сражаться за твою новую родину. Сражаться храбро и недолго; в первом же бою встал бы под пули, но это дела не меняет. Я Иуда и восклицательный знак. Войны, конечно, не будет, и ты никогда не стала бы просить меня ни о чём подобном, но всё равно, всё равно. Я бы мог стать ренегатом ради тебя. Уверен, что тебе как женщине было бы приятно услышать эти слова, а как человеку, который с такой болью отзывается на всё, что происходит в России, - нет. Вот думаю, кто бы в тебе возобладал, прочти ты эти строки. Мне бы хотелось, чтобы всё-таки человек, хотя такой вариант уничтожает меня в твоих глазах. Вариант с женщиной мне выгодней, но я страстно хочу, чтобы всё-таки – человек. Потому что я люблю тебя не только за внешность. Я люблю твою бессмертную душу, любимая девочка моя. Сказано, что соблазном должно придти в мир, но горе тому, через кого соблазн входит. Через меня он не просто входил – он врвался в мир, как гольтыба 17-го года в усадьбы дворян. В общем, это письмо будет сожжено. Я не могу, не имею права рисковать твоей душой. Я слишком люблю тебя, чтобы позволить обрушиться в нравственную пропасть вслед за мной.

По интернету я писал тебе, что жить в России стало лучше. Я лгал тебе. Лгал, чтобы ты вернулась. Лгал и делал всё возможное, чтобы ложь стала правдой. В нашей батарее служит пятьдесят человек со всей страны. У нас среднестатистическое подразделение; есть места лучше, есть и хуже. В общем, всё в целом как везде: дедовщина, плохое снабжение, воровство и т. д. Но представь, что некоторым ребятам здесь лучше или так же, как на гражданке. И таких человек восемь наберётся. Ты представь, что за воротами воинской части творится, если кому-то вполне комфортно здесь, в таких условиях, привычка к которым, однако, помогает нам одерживать победы в войнах.

Я не просто не люблю страну, в которой человека держат за скотину, и скотина не против. Я её презираю всем своим подлым существом. Я бы размозжил ей голову автоматным прикладом, если бы точно знал, где у неё голова. Только я не самый плохой гражданин. Я хотя бы не равнодушен к России, как многие. Для большинства её вообще нет. Есть свои житейские радости, заботы, проблемы, а страны, того, что нас всех должно объединять, – нет. И с недавнего времени я даже никого не осуждаю за это, людям очень тяжело. Но мне больно, Леночка! Почему мне так больно, милая моя?! Ведь морального урода презираю же! Только, пожалуйста, не думай, что во мне осталась капля святого, что я за что-то цепляюсь. Я предатель, но предатель честный. Не цепляюсь я вовсе ни за культуру нашу, ни за места великое прошлое, ни за что вообще. Они не перебивают скунсовый смрад нынешней действительности, они для меня ещё больше её усугубляют, насмешкой представляются. Больно мне, наверное, по известной причине. Всякая ненависть – это болезнь, разрушающая человека, - так ведь?

И не на что опереться. И не просто не на что опереться, а уже и всё равно, что не на что опереться. Выжжено всё. Расхотался бы, до какой степени всё равно, если бы не ослабел от ненависти. Везде – завалы. Даже нет – не завалы. На руинах Союза построены новые здания из прочного камня. Попирают небо шпилями учреждения коррупции, продажного правосудия, казнокрадства, на которых почему-то написано «Налоговая инспекция», «Пенсионный фонд», «Арбитражный суд». И вроде бы с голоду не умираем, как в Отечественную. А лучше б с голоду! Никто никому и ни во что не верит. А ведь мы с тобой застали первое постсоветское время, когда наши родители во всё верили. Я так скучаю по той пусть и трудной, но по-детски

наивной эпохе, в которой мы в чём-то не отличались от взрослых. А помнишь, как пацаны играли во вкладыши на подоконниках, а девчонки писали лирические стихотворения и загадки в толстые тетрадки, украшая поля плетёными косичками? Вспомни, какое значение придавалось этим милым глупостям. Вспомни, Лен, и улыбнись; ты так красиво это делаешь. Перед армией был в нашей школе, там уже ничем таким не занимаются. Я так расстроился из-за этого, а потом подумал, что новое поколение ребят совсем не обязано подстраиваться под наше с тобой прошлое, счастливое во многом. Что там – во всём счастливое, потому что детство есть детство.

Ты прости меня, бедная девочка, что я всё о стране да о стране. Но ведь она меня с тобой разлучила! У всех любовные треугольники как треугольники, а у нас – я, ты, Россия. Я бы проклял свою страну, если бы в ней жил только я! Но ведь не только я, к несчастью. Иногда представляю, что ты не переехала из Красноярска в Кёльн, а живёшь со мной на Красрабе, в соседнем доме. Как прежде. Меня бы тогда и на тебя, и на Россию – на всех хватило бы!

Знаешь, а от любви до ненависти точно один строевой шаг. Вот точно, Лен. До армии, в университете, я был протестным патриотом. И таких, как я, было довольно много. Сначала меня удивляла анатомия этой странной любви, а потом всё встало на свои места. Оказалось, это был просто юношеский протест. Вот вы не любите, а мы вам назло любим – вот и весь протестный патриотизм. А могло быть и по-другому. Вы любите, а мы вам назло не любим. В протестном патриотизме нет глубокого духовного наполнения. Он похож на крик выведенного из себя человека, в котором больше эмоций, чем сути. Такой патриотизм недолговечен, он может как вылиться в нечто большее, так и раствориться в житейской суете. Но мой не вылился и не растворился, а выродился в ненависть. Сначала я осуждал твоих родителей, которые эмигрировали в Германию в поисках лучшей доли для тебя и себя. Но потом понял, что не имею права никого осуждать. Что плохого, что запретного в том, что люди хотят достойно жить!?

В общем, я не хочу оставаться в стране, из которой уезжают любимые мной люди. Но и предателем, даже потенциальным, мне совсем не хочется быть. Мне не хочется быть даже эмигрантом. Не потому, что я такой хороший, а потому, что я так воспитан. Все претензии к родителям. Но мне не мат, а пока только шах. Надо просто сработать на упреждение. После учебки подам рапорт в Чечню и погибну там за то, что ненавижу. Смертью храбрых, как полагается. Может быть, даже стану героем страны, которую презираю. То-то похочу на небесах, как я всех вокруг пальца обвёл. Леночка, я же трус и самоубийца. Ты не знала? Знай! Все смерти бояться, а я – жизни. И в этой стране, и вообще. У меня даже не хватает смелости покончить с собой без должного прикрытия, чтобы никто не подумал обо мне плохо. Поэтому и хочу обставить всё по-людски.

Я даже боюсь заводить семью, - представь? На фоне общей безответственности я гиперответственный в этом плане. Просто изведу себя в прямом смысле до смерти, что делаю что-то не так для жены и детей. А вдову с ребятишками оставлять не хочется. Господи, что пишу!/? Что пишу!/? Господи-и-и. Я просто очень слабый. Дух у меня ни к чёрту. Душок одним словом, которым тронут воздух на ранней стадии гниющей с головы рыбы. Но до Чечни должен дотянуть. Должен! Бедная Чечня! Кто туда только не устремлялся!/? С какими только целями!/?

Боже ты мой, и это письмо любимой девушке. Хорошо, что ты его не прочтёшь. У тебя и своих забот хватает, чтобы такое читать. Лен, а знаешь, как я тебя полюбил? Я никогда не писал об этом. Это случилось в девятом классе. Ты по какой-то причине заплакала, во мне всё перевернулось от жалости к тебе, а на следующее утро, проснувшись, я понял, что полюбил тебя за твои слёзы. Если бы ты всхлипывала и сетовала при этом на кого-нибудь или что-нибудь, то, вероятно, моя жалость не переросла бы в любовь. Но ты плакала не так, совсем не так, как все. Ласково, нежно, светло и тихо струились слёзы по твоим щекам. Так плачут не от радости, грусти или обиды, так плачут по утраченной красоте мира. А ещё, проснувшись, я понял, что, несмотря на то, что полюбил тебя за плач, ни за что на свете не хочу больше видеть его. Бывают же всё-таки чудеса! Девочка, которая была для меня просто Ленкой-пенкой до девятого класса, вдруг распустилась, как цветок, - цветок, который оросил сам себя.

Тогда, на выпускном, я так и не решился признаться тебе в своих чувствах. Потом пришлось делать это чрез эл. почту. А может, не так страшно?! Леночка, может не так страшно, что через почту?! Ну, успокой меня, пожалуйста, что не так страшно! Леночка! Я ведь измучился весь! Как вспомню – со стыда дотла, дотла сгораю! Ты ведь ждала, девушки всегда так ждут признаний! Но как я на тебя смотрел! Я не оправдываюсь – что ты! Мне только хочется, чтобы ты вспомнила, как я в тот день на тебя смотрел! Как метался - вспомни! Как мучился! Как вставал и садился! Как направлялся к тебе и за несколько шагов до самых главных слов в мире ложился на

крыло, как самолёт! И перегрузки я испытывал под стать лётчику-испытателю, и даже сильнее из-за своей стеснительности, неуверенности и неопытности! Леночка, ты не могла не заметить, как я тебя люблю! Может ли, имеет ли право предатель любить так глубоко?!

А может, не Чечня? Может, к тебе переехать? Ты меня не любишь, я знаю. Ничего страшного. Хорошо даже. Ужасно было бы, если бы ты любила подонка, ведь и так бывает. Да, переехав, я мог бы служить тебе. Как друг. Конечно, я не стал бы тебе другом, просто более или менее талантливо играл бы в него.

Знаешь, тут рядом Павлушкин письмо своей маме пишет. Вот он мне друг. Тут и играть не надо. Толкает меня всё время в бок и спрашивает, как пишется то или иное слово. Мне от его тычков и грустно, и весело. Вот зачем ему орфография?! Думаю, что женщина, которая будет читать его письмо, такая же славная и безграмотная, как он сам, но он всё равно старается. Вон сопит даже. Всё у него должно быть обстоятельно. По отдельным словам, о написании которых он меня спрашивает, я уже имею сносное представление о его тексте. Много врёт из жалости к матери, не хочет расстраивать её. Грамотею-то уж, конечно, веры больше. Кто бы спорил?!

В общем, не смогу я к тебе переехать, Лена. Ты не поймёшь моего поступка, за ненормального меня примешь. Лучше уж останусь в твоей памяти адекватным парнем. С 2002-го года твои письма стали другими. И вроде бы ты не вышла замуж и ни в кого не влюбилась, а лучше бы так. Леночка, лучше бы так! Мне было бы гораздо легче. Я с болью наблюдал, как Евразия стала планомерно истончаться в твоих посланиях, уступая место Европе. Тепла в нашей переписке становилось всё меньше, а болезненных родовых схваток, - я их так назвал по причине их чрезмерной тяжести для тебя из-за полярности резус-факторов наших стран, - всё больше. Пожалуй, тут я перебрал. В менталитетах России и Германии много общего. Я перебрал как радикально русский. Не смотри на меня так. Можно ненавидеть свою страну и одновременно быть плоть от плоти, кровь от крови её. Так я могу противиться тому, что моя фамилия Герц, но я же Герц.

Постепенно мы стали отдаляться друг от друга. Ты, наверное, заметила, что с 2003-го мои письма к тебе стали редки. Это не потому, что я стал забывать о тебе. Просто боялся быть неправильно понятым, чем-нибудь обидеть тебя. За своими словами стал следить, как шпион, хотя раньше такого за мной не водилось. Дыхание сбивалось после завершения писем, словно я не сидел, а бежал за компьютером. На смену лёгким секундным спринтам пришли изматывающие многочасовые марафоны – так я стал писать! Чуть литератором не стал от всего этого. 2 сентября 2004-го года от тебя пришёл ответ, из которого я почувствовал, что вот и настал чёрный четверг, когда мы с тобой начали говорить абсолютно на разных языках уже не только в прямом, но и в переносном смысле.

В общем – Чечня. Может так случиться, что меня там не убьют. Ну что ж - тогда Россия навсегда и служба ей до последнего вздоха, чтобы на смертном одре сказать: «Страна, я имел полное право тебя презирать, потому что посвятил тебе жизнь». Так по-честному. Государство всё-таки бесплатно дало мне среднее образование и подарило любовь. Если учёбу можно было бы отработать одиннадцатью годами безупречной службы, то за любовь мне придётся расплачиваться до конца дней. В хорошем смысле расплачиваться, конечно. Даже не буду выезжать за границу на отдых, не выездным себя сделаю, чтобы потом не придирааться к самому себе: «Помнишь, как ты любовался туманами Лондона, оставив Россию на целых две недели?» А чтобы даже не возникло соблазна куда-нибудь сорваться, надо просто быть нищим. В крайнем случае – бедным, в самом крайнем случае – представителем среднего класса; различия между этими социальными группами у нас не так уж велики. Как сегодня сказал Павлушкин, даст Бог, и напрягаться-то не придётся. В общем, обеднеть – не проблема, страна мне сама подыграет. Понимаю, что этот абзац звучит глупо, смешно. Я специально так написал, чтобы утопить в себе зарождающегося фанатика.

Или стать богатым и подарить тебе остров на Багамах? К деньгам я равнодушен, зато они не равнодушны ко мне. В университете мне удалось повернуть несколько крупных и – самое главное - чистых сделок. Я просто чувствовал, что в определённое время надо потребителю. Словом, могу заключить с нелюбимыми деньгами брак по расчёту ради тебя. Вообще-то речь идёт о твоей покупке, если ты ещё не поняла. Чур, не пугаться. Если бы ты поддалась на такую провокацию, то в этом не было бы ровным счётом ничего страшного. Но только в том случае, если бы ты – озолоти я тебя - не влюбилась бы в меня. Но ты ведь не сможешь полюбить меня за пухлый кошелёк, - правда? Я так рад, что здесь у людских душ стойкий иммунитет; они могут продаться за деньги, славу, власть и подобное, а полюбить – нет. Порой мне кажется, что, если

белый свет до сих пор и стоит, то во многом на этом. Знаешь, в чём заключается моя низость? Она в том, что только твоё тело меня не устроит. Что тело? Тлен! Мне нужна твоя бессмертная душа со всеми её удушьями и отдушинами. Я грежу о том, что принадлежит только тебе и Богу. Каков подлец!.. Итак, раз не ты, значит, - Россия...

Тебе может показаться, что я много на себя беру. Ты не права, любимая. С этой секунды я беру на себя всё. Вообще всё. Вся Россия теперь на мне. Прямо вся что ли? Прямо вся. Ни клочка никому не уступлю, аж трясёт от жадности, как Плюшкина. Не чувствуешь, как от строчек запахло духовно-нравственной приватизацией? Когда всё не моё, а на мне – это и есть такая приватизация. И здесь никакого пафоса. Никакого героизма. Здесь вообще нет ничего мало-мальски стоящего внимания. На смену эре Материи грядёт эра Духа, в которой подобные вещи станут обычными, как ежедневный восход и закат. Меня другое завораживает. В эре Духа тоже будут свои гении и злодеи, эксплуататоры и угнетённые, пассионарии и обыватели, глобалисты и антиглобалисты, только в рамках принципиально иной модели существования. Физической смерти перестанут бояться, а гибель души станет реальностью. Мы ещё и в существование-то души не все поверили, а скоро не вечность вечной доселе субстанции станет фактом. Это сегодня, пока мы только стоим у врат эры Духа, пока мы не вошли в неё, меня можно принять за романтика-идеалиста-альтруиста. Но уже завтра новейшие люди отнесут меня к реалистам-прагматикам-эгоистам. Разве я не эгоист, если от широты и долготы, глубины и высоты России напрямую зависит, - всегда зависела и будет зависеть широта и долгота, глубина и высота лично моей души, настроение её и самочувствие? Моей, Лена, души...

А я-то думаю, почему я так страдал, когда нелюди взрывали дома в Москве, захватывали детей в Беслане, прорывались в Дагестан? Из эгоизма, Лена. Из чистейшего эгоизма. Изверги мою собственную душу тогда терзали, топтали её, глумились над ней, не давали ей успокоиться, воспарить ввысь и облететь вселенную от Альфы до Омеги. Не было у меня сострадания к несчастным, не было никогда. Я мечтал стать заложником в бесланской школе вместо Мадины из 1 «Б», чтобы прекратить муки своей души. Своей, а не ребёнка!

И при этом муки чудесными были, я ещё такие хочу. После того, как они охватывали меня до невозможности шевелиться и дышать, я начинал ощущать в себе такие силы, что мог набрать в рот Тихий океан, затушить им все пожары и рассчитать, чтобы при этом не затопило и букашку. Я мог это всё физически. Единственное, что мне было недоступно, - так это испытывать счастье от дарованной мне силы. Вот такие издержки. Теперь даже не знаю, чего мне хочется больше: быть счастливым слабым стрижом или несчастным мощным брандспойтом.

Недолго осталось ждать того момента, когда я из герца трансформируюсь в ГЕРЦА. Космос способствует разрастанию тех, кто начинает жить горестями и радостями всего сущего. Предвижу наперёд, что за Мадину из 1 «Б» ГЕРЦ во второй степени мне не светит, но до ГЕРЦА в первой возведён буду. Таким, как я, Космос ни в жизнь не доверит ни распахку целинных планет, ни подбор персонала на родившиеся звёзды, ни пиар далёких галактик. Таким только на шести сотках вроде России навоз раскидывать, надеясь на то, что когда-нибудь он перегниёт в удобрение. Может, и не перегниёт. Ну и пусть. Важен не результат, а сам процесс, который не бывает отрицательным. Процесс – это движение. Ты думаешь, революция победила в 17-ом, а фашизм проиграл в 45-ом? Чушь собачья. Пока жив хоть один человек, который борется или не согласен, ничто не выиграло и не проиграло, всё находится в процессе. Счастья мне на новом попроще, разумеется, не видать. А зачем мне оно без несчастья? Разве я смогу оценить счастье, не познав горя?

И пусть я даже не ГЕРЦ, а комарик, который вопьётся в тело беззакония. Пусть! Тело не будет чувствовать себя спокойно, пока я на нём, такой маленький, сижу. Оно вынужденно будет хоть на несколько секунд оторваться от мерзких дел, чтобы прихлопнуть меня. Улечу ли я или буду раздавленным – зуд у беззакония ещё на несколько минут останется. Кстати, бывают и малярийные комары. Те ещё крохи. И нападать я буду днём и ночью, чтобы беззаконие не шлялось по Куршавелям, позоря нас перед соседями, а сидело дома, боялось и не спало. Это будет промежуточный результат, который меня вполне удовлетворит. Страх ведёт к парализации мысли, бессонница – к замедлению реакций и притуплению чувств. Пожалуй, стоит давать беззаконию вздремнуть пару-тройку часиков в день, а то его чувства до того притупятся, что оно перестанет испытывать всю полноту страха или вообще его потеряет. Проверено на себе.

Теперь самое время взгрустнуть по поводу своей будущей судьбы. Никогда мне не быть добрым к добрым; быть мне злым к злым. Такое время. Однако, если присмотреться, не всё так

плохо. В силу характера в первом случае я всё равно не ушёл бы дальше любителя, а во втором - я профессионал уже много лет.

Я нравственно опустошён и проветрен, но будь я проклят, если кому-нибудь покажу это! Не хочу, чтобы наше поколение называли потерянными. Декаданс?! Убожество?! Леночка, я люблю тебя так ярко, так насыщенно, глубоко и возвышенно, как не снилось и Ромео на пике Ренессанса. И при этом у тебя вполне хватает внутренней силы оставаться равнодушной. Джульетта не может похвастать тем же. Она дрогнула и поддалась - ты стоишь! И я не огорчён. Я рад. Так величественнее... Если наше поколение назовут потерянными, то потомки будут обвинять нас в том, что мы ни к чему не стремились, ни на что не были способны. А как же тогда моя любовь к тебе?! Что о ней скажут?! Как её озаглавят?!

Придёт время, и начнётся штурм нашей с тобой эпохи. Он всё равно начнётся. Через час. Через день. Через сто лет – не важно; эпоха не заканчивается, пока её не сменит другая, более чистая или грязная. Победным будет штурм или провальным – не имеет значения. Никакого! Мне уже всё равно! Славы хочу нашему поколению! Заработанной! Заслуженной! И заслуженной не силиконовым ртом, мусолящим члены сильных и гламурных мира сего! Изрешечённым за людей сердцем - славы!

Об одном прошу Бога и дьявола. Вы же мужчины. Сделайте честную и открытую битву добра со злом в моей эпохе. Чтоб храбрецы с обеих сторон. Чтоб мужчины без женщин, стариков и детей. Чтоб без передышки. Без пощады. До последнего. Чтоб победители с почестями похоронили побеждённых: над могилами одних – число зверя, других – кресты, полумесяцы и другие символы мировых религий. Чтоб слава живым и память павшим. Возможно ли такое?! Мыслимо ли?! Вполне! Более того, у меня хватает дерзости быть уверенным ещё и в том, что битва впервые за всю историю пройдёт бескровно. Души будут сражаться. Да, души. Погибшие тут же воскреснут для новой жизни, только для какой – вот в чём вопрос. Представь, что некоторые вообще не будут знать, под белые или чёрные знамёнами они встали. А иные, - и таких будет большинство, - станут биться за светлые и тёмные силы одновременно, то есть по существу эти люди сойдутся в смертельной схватке сами с собой. И всё будет ярко и красочно, не так, как сейчас. Праведность и порочность возрастут непомерно, высокие чувства и низкие страсти выйдут из-под контроля разума, и, например, взявший чужое не станет хорониться от властей, а твёрдой походкой под барабанный бой чёрного сердца направится на центральную площадь своего города, чтобы храбро заявить во весь голос: «Я вор! Кто на меня?!» И на него выйдут. Или он сам на себя выйдет, если в его дивизии «Совесть» остался хотя бы взвод гвардейских штыков. Грядёт такое, такое, что меня бросает в жар!

Я видел фильм «Освобождение», великую Сталинградскую битву. Знаешь, многие мечтают о деньгах, домах, машинах, а я хотел бы оказаться в Сталинграде 42-го. На любой стороне, не имеет значения. Я постараюсь объяснить «почему», но ты всё равно ужаснись, хоть ты и немка. Всё относительно. Жили настоящие люди и в сталинской России, и в гитлеровской Германии. И там, в огненном городе, мне было больше жаль немцев, которых война сделала нечистью. Нашим было легче. Господь не допустил, чтобы бойню развязал Союз. Нам крупно повезло, что сталинизму в отличие от гитлеризма хватало пищи на собственной территории. Это прозвучит страшно, но так лучше; массовые репрессии уничтожили миллионы наших людей, чтобы проредить безбожный народ и не дать ему разлиться зомбированной лавой далеко за пределы Советов.

Немцы, если бы меня спросили, с кем бы я хотел пасть под Сталинградом, то я бы ответил, что с вами. Вы слышите – с вами, несчастные! С вами, даже если тогда среди вас был всего лишь один настоящий человек! Но с вами я хотел бы только погибнуть, потому что злу, которое вы в тот момент собой олицетворяли, нельзя было одерживать верх. Прости, Лена, но в 42-ом я бы стал рядовым немецкой армии не ради тебя, а для того пусть и единственного славного немца. Чтоб поддержать его перед смертью; тяжело погибать в снегах России за зло. И я бы ни в кого не стрелял. Клянусь – не стрелял! Просто находился бы в гуще событий и упивался бы тем, что хотя бы для двух миллионов мужчин, погибавших рядом со мной, и двух миллионов женщин, ждавших мужей с фронта, не имеют никакого значения ни деньги, ни власть, ни карьера, ничто. И утешал бы соседа-немца: «Ты обязательно вернёшься к фрау Миллер. Вы будете пить кофе на веранде своего дома, слушать воркование голубей и читать Гёте». Иногда я говорю так, что мне нельзя не поверить. И немец, поверив мне, спокойно бы погиб на исходе дня. А потом пришёл бы и мой черёд возле одного из тех стойких домов, которые после окончания войн получают имена сержантов и не восстанавливаются, даже если надо экономить городские площади.

Перечитал написанное, Лена, и остался не доволен собой. Что-то я моментами представлен не совсем уж законченным парнем, а это неправда. Ближе к делу. Мне нравится гитлеровская форма. Форма, а не содержание. Всё на немецком солдате времён Второй Мировой выглядело строго, лаконично и красиво. Наша форма по сравнению с гитлеровской смотрелась безвкусно, дёшево и мешковато. Особенно меня привлекают немецкие каски, их плавные изгибы на затылке и воинственный стальной блеск. В детстве во время игр в войнушку я воевал за немцев только из-за того, что их каски красивее наших. Это я к тому, что уже в школе с тобой учился циник и ренегат. А ещё к тому, что я с раннего детства умею проигрывать, так как фашисты в мальчишеских играх не могут победить по определению. И пусть я регулярно падал в грязь, получая под дых от многочисленных партизан. Пусть меня частенько пороли или ставили в угол за то, что не берёг одежду. Мне было всё равно. Каска того стоила.

А под Сталинградом... под Сталинградом противники проявили мужество. Хорошие убивали хороших, плохие – плохих, хорошие – плохих, плохие – хороших, чтобы мир содрогнулся оттого, как могут исходить кровью правда и кривда, когда обеим надо самоутвердиться за счёт друг друга. Люди уничтожали себе подобных за чудовищные идеи лицевых и изнаночных злодеев наверху, словно хотели свести численность обеих армий к нулю, чтобы в будущем некому стало воевать. Просто некому. Это единственное, что сознательно, бессознательно или подсознательно могли сделать мужчины для своих народов. У них не было другого выхода, раз так стряслось, что ранее они не нашли в себе силы выступить против диктаторов у себя дома или чего-то недопонимали. Потому в Сталинграде солдаты и сражались, не щадя ни себя, ни других. Мне никогда не забыть, как в фильме по улице в полный рост шёл наш матрос с автоматом. Уверен, что так он в реальности и шёл. Грудь нараспашку и молчал, не перебивая ораторствовавшее оружие. Вокруг матроса валились враги и товарищи. Его самого вскоре задушили в рукопашной; тысячи людей в домах и на улицах города Господь толкнул в объятья друг друга, словно хотел в последний раз напомнить им, что все человеки – братья! Братья!

Лена, на той войне было надо, чтобы многие не выжили. Если говорить только применительно к нашим воинам, то люди, убивавшие людей даже за Родину, не имеют права гордиться собой, не могут называться героями; это противоречит всем вселенским законам. Не имеют и не могут, или этот мир летит в тартар! Сказано: «Не убий!» и «Любите врагов ваших!» без поправок на фронтовые ветры. В грядущем Царстве Истины, Добра и Справедливости, в котором не будет деления на государства, про немцев скажут: «Они хотели создать империю зла». А про наших в лучшем случае скажут: «Они поступили так, как умели на то время». О подвиге же советского солдата не будет произнесено ни слова. Ни слова! Представляю, как ополчилось бы на меня наше общество, наша церковь, если бы прочли это письмо. Господи! Господи! Куда вторгаюсь?!

Ещё вот о чём необходимо сказать, Елена. Несмотря на мою слабость, я сильнее многих и многих аморфных, слабовольных, безответственных и, в целом, довольно безобидных людей нашего поколения. Не я сильный, они тщедушные, так точнее. Они розовые, лопухие и пушистые, как игрушечные слонята. Они лакируют позолотой материальную и духовную нищету. Их идеалы – детские пустышки с изжёванными сосками и резиновые барби с фальшивыми именами. Пока не поздно, надо спалить и развеять по ветру их симпатичных идолов, разбить вдребезги их удельные мирки, чтобы к ним в души хлынул настоящий мир: огромный, кошмарный и прекрасный. Мир, где дети болеют СПИДом. Мир, где чудесные закаты над Средиземным морем бесплатные, Богом для всех созданные, всем принадлежащие, а не по турпутёвкам купленные.

На землю надвигается зрелая, опытная, закалённая тьма, и мало кто готов к её приходу. Она энергична, сильна, умна, красива, отважна и с виду вполне добропорядочна, как римлянин эпохи расцвета республики. В неё влюбятся. Ей будут поклоняться и приносить жертвы. У неё будут с наслаждением отсасывать гной, как любовницы отсасывают сперму у любовников. Проповедница непрерывного сладострастия – вот новейшая тьма, авангардные части которой уже орудуют в мире. Сейчас мы кричим: «Наслаждения!» А дальше возопим: «Наслаждения любой ценой!» И тьма заломит цену - не сомневайся!

Микробы этой тьмы есть и во мне, поэтому мне страшно. Я даже заранее назову себя последней тварью, потому что, скорей всего, так и есть. Я, конечно, очень удручён, но не посыпаю голову пеплом. Если я исчадь ада, то меня можно изучать. Я могу быть полезен. Арестуйте же меня кто-нибудь! Что стоите, как нарушенные знаки ограничения скорости!? Назад сдаю и сдаюсь! Вот он я! Весь! Препарируйте! Всё расскажу без утайки, всех сдам с потрохами: иссиня-чёрных, чёрных, чернявых, черненьких! Мне не привыкать быть предателем!

Я не достоин Вас, Елена Васильевна. Я из этих, - из Иуд, Андриев и отможенных Павликов. И на том спасибо, что хоть не одному куковать.

«Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай, как знаешь, и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. ещё страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как в юные, беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Достоевский, любимая. Береги себя.

С глубоким уважением, Герц».

«Здравствуй, мама, - писал Павлушкин. – У меня всё хорошо, служу по тихой грусти. Длинное письмо тебе напишу, времени вагон, а то ты жалуешься, что от меня сроду двух строчек не дождёшься. Кормят нас хорошо и сытно. Сегодня даже не доели. Пацанам с пехоты свои порции отдали, а они нос воротят. Все зажрались уже, короче, так что не волнуйся, что мы тут голодаем. Готовят тут, конечно, не по-домашнему, но всё равно нормально. Толчёнка часто с курицей, омлеты разные бывают, борщи наваристые на первое, пельмени даже дают. Пельмени покупные. Но ты попробуй на такую ораву вручную налепить.

Дедовщины у нас нет. Даже обидно как-то. Что потом рассказывать буду? Получится, что я вроде как не служил. Мама, ты только никому не скажи, что у нас дедовщины нет, а то меня засмеют. Я, короче, потом нашим деревенским врать буду, что дедовщина была, а ты посмеивайся себе в сторонке. Это будет наша тайна с тобой насчёт дедовщины. Какие избиения - руку поцарапать боимся, чтоб не подставить кого. Сразу разборки: «Кто тебя поцарапал?» В иголки не верят, достают своими допросами. Веди, говорят, виновного. Ну, я и вынул виновницу из шапочного козырька. Она, говорю. Только, говорю, вы её не ломайте, она мне ещё сгодится. Офицеры засмеялись, а вообще насчёт всяких царапин у нас серьёзно. Иногда подраться хочется, кулаки так и чешутся, но коллектив хороший, дружный. В общем, и рожу-то начистить особо некому. Я знаю, что тебя это порадует, а мне вот скучно. Ну, такой я у тебя, что теперь? Уж - я не знаю - можно же как-то по-другому реформы проводить, не так шустро и успешно, что ли, армия всё-таки. А то какой-то детский сад получается: никого не тронь, тебя никто не тронь. Ходим, как интеллигенты.

Ещё эти женщины с солдатского комитета по сто раз на день навевываются, заколебали уже. Сегодня вот опять припёрлись к завтраку целым полком нас подкармливать. Нет, это нормально, по-твоему, чтобы бабы мужиков защищали, к тому же - солдат? А если завтра война, кто воевать пойдёт? Тоже бабы? Мне стыдно, что все эти комитеты солдатских матерей завелись, их по новостям частенько показывают. Какие мы им сыночки? Мы сыны им, а не сыночки. Обабить нас что ли хотят, под юбки запихать? Сыночков нашли. В мире вон как беспокойно, а сыночки потом сапоги врагам лизать будут, сестёр под гадов подкладывать и улыбаться при этом. Ещё раз комитет нагрянет защищать наши права, я им всё скажу! Ладно, промолчу, обещаю, а то разволнуешься ещё. Но из рук солдатских мам ничего не возьму. Скажу вежливо, что у меня всё есть, а сверх положенной нормы мне не надо. Не переживай, в общем.

С дисциплиной у меня всё в порядке, у кого хочешь спроси. Воинскую науку тоже осваиваю с успехом. Мог бы даже командовать артиллерийским расчётом, если бы захотел. Предлагали, да я отказался по причине того, что начисто лишён карьерных амбиций. Своё дело знаю, и довольно с меня. Мы нашу гаубицу тещей называем. Тещей потому, что хоть и родная, а изрыгается, как надо. Представляю, как ты сейчас хохочешь. На 15400 м. лупит. Правда, на стрельбы выезжаем очень редко, экономим снаряды. Снаряды, они только с виду снаряды, а на самом деле – касса, это деньги по-нашему. Выстрелил разок – и прощай несколько народных тысяч. Так говорят, по крайней мере. Пока ничего страшного, что экономия, только потом половина расчёта в случае войны с непривычки к грохоту в штаны наложит и разбежится кто куда. Пока будем носиться по

полно и отлавливать дезертиров, наступающая впереди пехота будет крыть нас трёхэтажным. От нас не убудет, что она нас матом. А вот от пехоты реально убудет из-за того, что мы её огнём не поддержали. «Ведь в мире всё закономерно. Зло, излучённое тобой, к тебе вернётся непременно». Я этот стишок на пересыльном пункте прочитал, когда добирался до места службы.

Артиллерист – самая безопасная профессия в армии, даже если в горячую точку попадешь. Так что и тут не переживай. Здесь у меня друг есть. Его зовут Герц. Так вот он всё время говорит, что все великие люди были артиллеристами. Наполеон, Достоевский, Солженицын. Тут проще пареной репы. Если бы их убило, то они не стали бы великими. Я тебе больше скажу. Если ты артиллерист, то автоматически должен поумнеть. Я вот чувствую, как умнею не по дням, а по часам. Ощущаю появление и шевеление новых извилин. Наполеона из меня, конечно, не выйдет, но наш совхоз возглавлю, помани моё слово.

Сегодня выступал на ОГП (общественно-государственная подготовка) на тему «Боевое товарищество». Типа реферата такого. Рассказывал понятно, без заумных слов, которые в учебниках. С примерами. Сам руку поднял, проявил, так сказать, инициативу. Все слушали внимательно. Сержант Лысов поставил пятёрку. То есть четвёрку. Я сам попросил, чтоб четвёрку. Не люблю выделяться, в серёдке держусь, как в школе.

Неделю назад был марш-бросок по полной выкладке на 15 км. Тяжело, но терпимо. Некоторые не выдержали. Семёнов упал и заныл, что расстреливайте, но дальше не побегу. Кузельцов сказал, что фееры (фееры или фейерверкеры – это артиллеристы в царские времена, так мы в учебке прозываемся) раненых не бросают. А Семёнов как бы раненый получался. Мы должны были нести его на себе. И так тяжело, а тут ещё кого-то тащить. Но мы не потащили Семёнова, спасибо Герцу. Он Семёнова пристрелил. Понарошку, конечно, магазины-то у нас пустые были. Герц подбежал к сержанту Кузельцову, посмотрел на него так, как только он может, и сказал: «Рана серьёзная. Чем нести, лучше застрелить, чтоб не мучился». И всадил в Семёнова очередь, – мы и опомниться не успели. Скинул с плеча автомат, снял его с предохранителя, передёрнул затвор, прицелился и нажал на курок. Потом снял каску, опустился на колено, провёл ладонью по остекленевшим от ужаса глазам Семёнова, как будто закрывая их, и сказал: «Чтоб вороны не выклевали. Вернёмся – похороним. Вперёд!» И мы побежали дальше. Герц реальную кору отмочил, всё было как взаправду.

Ладно, допустим, неделю назад Герц дал отдохнуть Семёнову, пока мы бегали. Опять же мы Семёнова на себе не волокли, тоже плюс. Всё вроде грамотно, не придерёшься, но вот как бы поступил Герц, если бы всё это случилось в боевой обстановке? Он просто героем хочет быть, я так думаю. Только у него всё шиворот-навыворот в этом плане. Об огненном мире мечтает, который полыхает без суббот и воскресений, и герои этот мир, типа, тушат с перерывами на перекуры в кулаки и похороны обугленных товарищей в закрытых гробах. Если с пожарами случится напряг, Герц самолично и подпалит что-нибудь, вот к бабке не ходить – пустит петуха. Прямо вижу, как он втыкает факел в наш сеновал и, сложив руки на груди, хладнокровно дожидается, когда пожару присвоят первую категорию сложности. Вторая-то его не устроит, ты что, чести при тушении мало. И только тогда, когда объявят, что первая, он возьмётся за ведро. Ни фиги! За ведро – ни фиги! Ведрами любой дурак сможет, а он у нас особенный дурак. Он в дом полезет. Чтоб его там несущей балкой придавило! Не думай, мама, что я другу зла желаю. Наоборот – добра. Потому что он сам спит и видит, чтобы его в горящем здании чем-нибудь приплюснуло; так подвиг выше. Если у балки будут другие планы, Герц её сам и подпилит, он такой. А потом, придавленный, типа, такой из последних сил вытащит котят, которых мы перед этим как раз хотели утопить; придётся и правда грех на душу брать, раз им Герц сгореть не дал. Короче, экстренный пацан, для нормальной жизни не приспособлен. Если какое-нибудь ЧП, ему нет равных. Тогда он махом соображает, что делать, как в случае с Семёновым. Главню, детально всё у него, быстро и без суеты.

А я не хочу всего этого. Не хочу мира в гари и копоты, в котором не люди, а гиганты живут. Не хочу быть героем. Кто тогда будет в казарме налаживать розетки и смесители менять? У гигантов же каждый день Армагеддон по распорядку, некогда им такой фигнёй страдать. А вообще Герц хороший пацан и верный друг. Мы с ним разные, как плюс и минус. И дружба у нас не слюнявая, а жёсткая такая, мужская. Он беспощадного из себя корчит, типа, ни перед чем не остановится, если понадобится. Ещё как остановится, пусть меня только не пытается залечить. Это у него вроде защиты – вковаться в броню против врагов и на всякий случай – против друзей. Может, он и прав.

Пацаны писали, что Верка теперь с Витькой Коконовым. На тачку, говорят, повелась. А как слезами перрон заливала, божилась – дождусь! Скоро Витька её бросит, я тебе говорю. Он бросит, а я подберу. По любой - уже пузатую. Ничего, забуду о гордости. Какая тут гордость, когда молодые девчонки делают аборт, а потом белугами воют, что Бог детей не даёт. Кто-то же должен подстраховывать твиксы, пока у них в головах солома вместо мозгов. Этот кто-то твой сын. Я уже всё решил за тебя, Верку и Витьку. Прости. А ещё я Веру люблю, мама, очень люблю, больше жизни, и это самое главное - пойми. А лучше бы главным было то, что я против абортов, но уж как есть - я не святой. Знаешь, представляю эту сладкую парочку в «девятке». Жалею обоих. Ей плевать, что он спец по железу и вообще здоровый пацан, который всегда жил мужиком. А ему плевать, что она добрая, любит детей, торчит в садике с утра до ночи, что-то всё время разучивает с ясельной группой. То есть им на это как раз не плевать, но они плюют через силу, потому что она станет крутой среди наших, если будет гонять на тачке, а он будет крутым – ну, ты понимаешь «когда». Оба сейчас нажрались в хлам от такой жизни и лижут на заднем сиденье, которое всё в дырах и мазутных пятнах; Витькина тачка так же загажена внутри, как наворочена снаружи. Какая уж тут ревность, жалость одна. Сейчас бы прижать обоих к груди, как малых детей, а перед этим конкретно навешать Витьке, с него больше спрос, чем с Верки.

Пишешь, что батя опять загулял. Сердце не рви. Загулял и загулял, что теперь? Мам, только передай ему от меня, что пусть не говорит, что во всём виноваты демократы. Совхоз мы сами развалили, что-то с Чубайсом я в районе деревни ни разу не пересекался. А вот батю с ворованной дроблёнкой видел частенько. Так хоть бы он по уму распорядился этой дроблёнкой, свиней – я не знаю - кормил. Тоже мне хозяин. Хорошо, хоть гектары в мешки не засунешь, а то бы их тоже по амбарам растащили. За землю особенно переживаю, не знают ей настоящей цены. Как бы левые не пришли и не взяли её задарма. Если кто-нибудь приедет скупать земельные паи, не вздумай наши продать. И накажи всем соседям то же самое. Даже тем, с кем ты сейчас в контрах, накажи. Нет, тем, с кем ты в контрах, скажи, чтоб преспокойно продавали, так они точно не продадут. Ни в коем случае нельзя продавать! Дождись меня. Это приказ, мама. Не до того мне, что ты меня старше, что я люблю и уважаю тебя. Я приказываю тебе как старший. Продашь – спрошу жёстко. Только бы успеть!

Теперь о Малом. Хочет кататься на мотоцикле – пусть катается, только скажи ему, чтоб следил за техникой. Хочет гулять до утра – пусть гуляет. Хочет на рыбалку с ночёвкой – пусть шурует. Пацану четырнадцатый пошёл, дай ему волю. И разрешай много, и нагружай работой по полной программе. Пусть его свобода растёт вместе с ответственностью, так из него человек выйдет. А то, что он тырит яблоки в саду деда Антохи, - это ерунда, пройдёт с возрастом. Я сам тырил. Батя тырил. Все деревенские у деда Антохи спокон веков тырили. Не для воровства – для адреналина, одно от другого отличать надо. Это такие воспоминания, ты бы знала. Как вернусь с армейки, скооперируюсь с пацанами и пойду к деду новые яблони сажать, чтоб воровство не переводилось. Сад-то у него старый, обновить надо. А вот деда Антоху, жаль, не обновишь. Уже не тот у него крик: «Я вам дам, стервы!», сила в крике не та. И преследование с палкой такое, в котором мало азарту для мелюзги. Ты, мам, сходи к деду, что ли, варенье малиновое снеси. Он любит чай с малиновым, и от гриппа помогает. Без деда воровство яблок уже не то. Как сберечь старика для новых воришек – вот в чём вопрос. И ещё вопрос: кто будет сад поливать, когда дед на ладан задышит? Подумываю о дневальных из старой шантрапы на вроде меня. А что? Это вариант. А Малого пори, как сидорову козу. До схождения шкуры.

Давай о чём-нибудь весёлом тебе расскажу. Ну как о весёлом? Короче, о весёлом, потому что не знаю, как это даже назвать. Короче, есть у нас один пацан с Витебска, Ваня Жуков. Так вот он слепой. Ну как слепой? Не совсем, конечно, но дальше носа не видит. Как кутёнок. Мы реально офигели, что таких призывают. Как заселился в казарму, тыкался во все углы, спотыкался везде. Потом выучил местность, перестал тыкаться. Сначала все думали, что он косит, пока его в парке не сбил газик. Знаешь, там машины курсируют в разных направлениях, ревут, а нас туда послали какие-то агрегаты таскать. По звуку не определить, где кто едет, смотреть надо. И Ваню, значит, сбили. Благо, водила во время тормознул, удар несильный. Орём на Ваню: «Жуков, ты чё слепой?! Шары разуй!» А Ваня глазами хлопает быстро-быстро так, и видно, что, кроме сапог, разувать ему нечего. Тут и догнали мы, что Ванька-то наш кроту фору даст. Ничего не сделаешь. Раз призвали – значит, здоров. После того случая в парке он в основном сидит в расположении. Главню, не жалуется. Хороший пацан, добрый, всем помогает, чем может. Если он в казарме, и не

скажешь, что он слепой. Он нам всем как брат. Если кто-нибудь сильно заскучает по дому или по своей девчонке, то подойдёт к Ване и спросит: «Ванька, ты чё в натуре ни черта не видишь?» А он просто улыбнётся в ответ и сигарету предложит, если есть. И как-то уже меньше скучаешь по дому. Тут человек ни черта не видит, а ты по дому скучаешь! Я даже окулисту из Ванькиного военкомата подыскал оправдание, потому что без Вани наша батарея была бы, как Шушенское без деда Антохи. Окулист, наверное, подумал, что Ваня косит. Сейчас же все косят. Я и военкома ихнего оправдал. А что - нормальный мужик, хоть и на лапу берёт. Сдался нам сын шишки, Петя Иванов, вместо которого Ваня Жуков в армию загремел, когда слепой Ваня в тыщу раз лучше всех этих зрячих Петей вместе взятых.

Они думают, что наша армия станет слабой с калеками. Смешно, мама, до чего же они дауны. Точно знаю, что в бою батарея будет стоять насмерть, потому что рядом Ваня. Ведь если дадут приказ к отступлению, он не сориентируется, куда отступить, затупит и, как это всегда бывает с Жуковыми, перейдёт в наступление. Я, конечно, не отступал ни разу, но, думаю, нам будет не до Вани. Надо будет перегруппировываться, отводить гаубицы и т. д. В общем, потеряется бедолага. Вот так трофей врагу! Слепой фейерверкер! На смех нас поднимут! Короче, придётся остаться на позициях. Что касается нарушения приказа, то победителей, как говорится, не судят, потому что лично я проигрывать не собираюсь. Герц тоже. Фаненштилю тоже запахло. Мы будем беречь Ваню, как снаряды, которых всегда мало, потому что Ваня в шары долбит, но с нами. А когда он погибнет, мы будем беречь тело, какая нам разница? Пока все не поляжем! До последнего человека! До Семёнова! Мы будем проговаривать каждое действие вслух, чтобы Ваня видел нашими глазами. Восемь танков по центру, Ваня! Отставить – округлились до десяти! Мы не будем ему врать, потому что он параолимпиец. И он бы не простил вранья ради нас же самих, потому что десять танков – это, к сожалению, не пять танков, но, к счастью, и не пятнадцать. Десять танков – это ровно десять танков, с ними и имей дело. Увидели за себя и за Ваню, что десять танков, проговорили вслух для себя и для Вани, что десять танков, привыкли вместе с Ваней, что десять танков, смирились с тем, что танков уже ни за что не будет восемь, но запросто может стать двенадцать, и уже не так страшно. Это на случай войны, которой не будет, не волнуйся там. Меня просто понесло. Иногда как понесёт – дурак дураком делаюсь, остановиться не могу.

Теперь по поводу Апрельки. Это самое важное, мам. Нельзя её колоть. Я всё понимаю, что она уже старушка, что срочно нужны деньги. Мама, сейчас всем деньги нужны, так что теперь? Мы итак у неё всех детей на мясо пустили, кроме Январьки. А молока?! Сколько, по-твоему, она дала молока?! Не скажу точно, но это Енисей по самым скромным подсчётам. Так ладно, если бы дело было только в количестве этого Енисея, в этих, извини меня, мегалитрах. Качество-то какое у еёного молока!? Жирность какая! Можно ведро молока с ведром воды бодяжить, и тебе только спасибо скажут, что процентовку понизил. А как она тебя приветствует, когда ты в стайку доить заходишь? Заметь, ты, а не я. Замычит и голову на плечо положит, и по барабану ей, с дроблёнкой ты пожаловала или нет. Видишь, хоть и скотина, а непродажная. И гадила-то мало. Тут я за себя скажу. Бывало, зайдёшь - и убирать-то нечего. Смотришь, смотришь по сторонам, а лепёшек не видать нигде. Только по запаху, бывало, и определишь, что в четырёх-пяти местах всё-таки маленько не обошлось без казусов. Да и лепёшки-то глаз радуют, правильной формы всегда, запашистые, с дымком зимой, румяные, как караваи, нигде не раздавлены, не размазаны по полу. Ну, иногда раздавлены и размазаны, - так что? Корова-то у нас творческая и гордая. Если из-под её хвоста не шедевр выходил, она сама, не дожидаясь критики, и стаптывала всё копытами, по всей стайке, не лентясь, навоз разносила, чтоб я не смог её творение в кучу собрать, как пазл какой. Ох, и гордая стерва! Ни за что после себя откровенного говна не оставит! За это, случалось, и стеганёшь её пятиколенным бичом, что чересчур уж гордая для скотины. А Лидкиного Лёшку кто выкормил? Да если б не Апрелька, звали бы твоего внука рахитом, а не пузаном. Да не давлею я на жалость. Про заслуги я просто так, для статистики. Я даже согласен, что надо колоть, но как-то можно другой выход найти, я не знаю. Вон - можно мотоцикл продать. А что? Ты сама подумай, для чего Малому мотоцикл? Хочешь, чтоб он башку себе свернул? Он свернёт, я тебе говорю.

Ладно, пора закругляться, зовут на рабочку.¹ Долго же я писал. Полтетради изнахратил. В общем, это письмо на полгода вперёд тебе. Только для чего Герц писал – не пойму. Сидит, рвёт листы на мелкие куски.

Пока, мама. Всем привет от меня, перечислять не буду.

Твой сын Илья»